

МИХАИЛ
ШУМОВ

ПАУК ПЕРЕМЕЛЕН

18+

Михаил Шумов

Паук-Пересмешник

«Автор»

2026

Шумов М. Е.

Паук-Пересмешник / М. Е. Шумов — «Автор», 2026

Студент биофака МГУ Пётр Вязов, получивший мутацию в заброшенной советской лаборатории под Тунгусской (органическая паутина, сверхрефлекс и биоакустика), пытается совмещать сдачу сопромата с выживанием в современной Москве. Вооружившись костюмом из арамида на синей изолене и поддержкой хакера Глеба «Теслы», он вынужден противостоять триаде антагонистов: олигарху-мутанту Хозяину Бестужеву, безумному микологу Доктору Мору и ветерану КГБ Комиссару Железо. Это история о том, как советская инженерная смекалка, бабушкины пирожки и студенческая неуязвимость спасают столицу от биологических и кибернетических угроз.

© Шумов М. Е., 2026

© Автор, 2026

Михаил Шумов

Паук-Пересмешник

Глава 1. Дипломная грязь

Июль в нижегородской тайге пах не хвоей и земляникой, а мокрой шерстью, кислым торфом и безысходностью. Для студента третьего курса биофака МГУ Петра Вязова летняя практика превратилась в двухнедельную борьбу с гнусом и собственной невезучестью.

Их группа из десяти человек должна была описывать популяцию таежного клеща для курсовых работ профессора Стравинского. В теории это звучало как романтика полевой биологии. На практике — как сидение на корточках по шесть часов в день над белой простыней, которую методично волокли сквозь бурелом. Спина ныла, колени стерлись о корни, а репеллент закончился еще во вторник.

— Петя, ты фильтр промаркировал? — окликнула его староста группы Лена, единственная девушка, которая умудрялась выглядеть опрятно даже в энцефалитном костюме цвета болотной тины.

Петр вздрогнул, выныривая из полудремы. Он сидел на поваленной лиственнице, прильнув спиной к стволу. В руках он сжимал пластиковую пробирку, наполовину заполненную коричневатой жижой.

— Маркирую, Лен. Образец «Б-4», торфяной сток, правый берег Кети. Полон жизни.

Преимущественно дохлой.

Лена закатила глаза, поправляя бейджик практиканта, который съехал набок.

— Если ты завалишь мне учет жесткокрылых, я лично утоплю твой рюкзак в болоте. Подъем через десять минут выдвигаемся к старой просеке. Говорят, там мхи интересные.

Мхи Петра интересовали в последнюю очередь. Его интересовало только то, почему термкружка перестала держать тепло еще вчера утром, и сколько калорий сжигается при попытке отмахнуться от слепня размером с вертолет Ми-8. Он закрутил крышку пробирки, сунул ее в боковой карман жилета и тяжело поднялся. Колени хрустнули, протестуя против вертикального положения.

Тайга вокруг дышала тяжелым, сырым воздухом. Солнце едва пробивалось сквозь трехъярусный полог кедров, превращая лес в вечные зеленоватые сумерки. Группа начала собираться, сматывая рулетки и упаковывая гербарные прессы. Петр закинул за спину станковый рюкзак, который весил килограммов пятнадцать исключительно из-за банок с консервирующими растворами, и поплелся в хвосте колонны.

Просека возникла внезапно. Только что они перешагивали через гнилые валежины — и вот перед ними открылась широкая полоса земли, заросшая молодым осинником. Но внимание Петра привлекло не отсутствие деревьев. Прямо посреди просеки, нарушая все законы ландшафта, зиял идеальный круг голой, спекшейся земли. Она выглядела так, словно гигантский утюг прижег траву пару дней назад. Пахло озоном и чем-то сладковато-химическим, напоминающим запах сгоревшего пластика вперемешку с сероводородом.

— Это что, выход базальта? — спросил одноклассник Димка, доставая фотоаппарат. — По картам здесь ничего нет, — нахмурилась Лена, сверяясь с GPS-навигатором. — Просто лес. Ни дорог, ни урочищ. Может, шаровая молния?

Пока остальные спорили, делая панорамные снимки, Петр сделал шаг вперед. И мир под ним исчез.

Это не было падением в яму. Земля просто разошлась, как старый линолеум. Короткий полет в темноте, удар спиной обо что-то гулкое, металлическое, и оглушительный лязг тяжелого свинцового люка, который встал на место где-то высоко над головой, отрезав солнце, небо и звуки леса. Наступила абсолютная, кладбищенская тишина.

Петр лежал на спине, глотая пыль. Фонарик на каске чудом уцелел, но луч света дрожал вместе с руками. Он посветил вверх. Над ним смыкались массивные бетонные перекрытия, покрытые черной плесенью и каплями конденсата. Сбоку виднелась ржавая лестница-стремянка, уходящая в непроглядный мрак шахты.

— Эй! — крикнул он, надеясь, что ребята услышат звук захлопнувшегося люка. — Я провалился! Тут какой-то бункер!

Эхо вернулось ему в лицо, искаженное и влажное. Наверху не раздалось ни звука.

Бетон проглотил его голос без остатка.

Спуск занял полчаса. Скобы лестницы были покрыты скользким налетом, а одна отвалилась прямо под рукой, заставив сердце рухнуть куда-то в желудок. Наконец ноги коснулись твердого пола.

Луч фонаря выхватил из темноты коридор. Технический тоннель, метра три в высоту. Стены выложены старым кафелем ядовито-зеленого цвета, таким, каким раньше отделявали советские бассейны и морги. Местами плитка отвалилась, обнажив серый бетон, испещренный глубокими царапинами. Царапины располагались слишком симметрично. Словно кто-то очень большой и сильный пытался выбраться отсюда наружу, скребя стены когтями.

Надпись трафаретом на стене гласила: «ОБЪЕКТ "ТУНГУСА-КОРЕНЬ". ПРОПУСКНАЯ КАТЕГОРИЯ "ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ". АВАРИЙНЫЙ ШЛЮЗ №4».

Ниже шла дата: *12 августа 1977 года*.

Сердце Петра пропустило удар. Историю этого места им рассказывали шепотом на лекциях по истории генетики. Закрытый проект времен Холодной войны. Попытка советских ученых использовать предполагаемые фрагменты инопланетного генома, найденные в эпицентре падения Тунгусского метеорита, чтобы создать неуязвимого солдата. Проект закрыли после серии необъяснимых смертей персонала. Официально лабораторию законсервировали. Официально она находилась где-то в районе Подкаменной Тунгуски, глубоко в мерзлоте.

Оказалось, база дублировалась. И один из входов находился аккуратно под ногами студентов-практикантов в Нижегородской области.

Воздух здесь был густым. Система вентиляции давно умерла, и дышать приходилось спертой смесью озона, формалина и чего-то животного, мускусного. Так пахнет змеиная ферма или террариум.

Петр пошел по коридору, стараясь ступать мягко. Под ногами хрустело стекло. Он посветил вниз. Весь пол был усеян осколками пробирок. Десятки тысяч ампул. Внутри некоторых сохранились высохшие остатки серебристой жидкости. А в других... Петр замер.

В одной из целых колб, закрепленной в разбитом штативе, пульсировало нечто. Оно походило на комок черных блестящих волосков, которые медленно шевелились сами по себе, сплетаясь в узлы и расплетаясь вновь. Инопланетный субстрат. Тот самый чужеродный код.

Рядом валялся раскрытый журнал дежурств. Записи обрывались резко:

«...субъект 14 демонстрирует неконтролируемый рост мышечной массы. Хитиновый слой формируется быстрее расчетного. Пациент требует анестезии каждые два часа...»

«Утечка в блоке криогеники. Обнаружены пустые коконы. Субъекты с восьмого по двенадцатый пропали. Персонал отказывается спускаться в вольеры...»

«Они плетут. Господи боже, они прядут нити внутри своих легких. Воронов приказал запечатать сектор...»

Петр почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Он понял, что находится не просто в заброшенном НИИ. Он стоял на кладбище эксперимента, который сожрал сам себя. И судя по свежему слою пыли на полу, сорванному замку гермодвери в конце коридора и длинным черным волоскам, зацепившимся за арматуру потолка, эксперимент этот недавно ожил.

Нужно было уходить. Немедленно.

Он развернулся к лестнице, когда левое запястье обожгло огнем.

Боль была мгновенной и острой, похожей на укол раскаленной иглы. Петр вскрикнул и схватился за руку. Плоть под кожей пришла в движение. Мышцы сокращались сами по себе, кости едва слышно похрустывали, меняя угол наклона. Ему показалось, что под курткой по предплечью ползет рой ледяных пауков.

Он направил свет фонаря на руки.

Кожа на запястьях стремительно темнела, приобретая гляцевый, хитиновый блеск. Привычные линии ладоней исказились. Из внутренних сторон предплечий, разрывая рукав энцефалитки, начали проклеиваться бугорки. Они росли с тошнотворным звуком рвущейся плоти и треском лопающихся капилляров.

Петр попытался пошевелить пальцами, но мышцы больше его не слушались. Нервная система сходила с ума, пытаясь обработать сигналы от новых, незнакомых желез, которые сейчас протискивались между лучевой и локтевой костями. Боль сменилась звенящим жаром. Организм лихорадочно выделял адреналин, сосуды расширялись, принимая новую анатомическую реальность.

Бугорки прорвались. Из образовавшихся порезов — ровных, идеально симметричных щелей — выступила густая, молочно-белая капля. Она висела секунду, растягиваясь под собственным весом, а затем выстреливала.

Толстая нить паутины шлепнулась о противоположную стену и намертво прилипла к бетону.

Петр смотрел на свои руки, не веря глазам. Белая жидкость продолжала сочиться, мгновенно полимеризуясь на воздухе. Он дернул плечом, инстинктивно пытаясь сбросить наваждение. Рука рефлекторно махнула вбок. Еще одна нить вылетела из запястья, приклеившись к ржавой трубе отопления.

Его начало трясти. Паника накрыла тяжелой, липкой волной. Гипервентиляция сдавила горло. Воздуха в бункере вдруг стало катастрофически мало. Это мутация. Та самая ошибка проекта «Корень». Генетический маркер активировался от контакта с микрочастицами субстрата, которыми пропитался воздух подземелья.

— Нет, нет, нет... — прохрипел он, оседая на корточки. — Не надо. Мамочки... Но тело уже приняло решение за него. Новые железы работали на износ. Голодный метаболизм требовал глюкозы. Перед глазами поплыло. Петр чувствовал, как меняется структура его зрения: контуры предметов стали подсвечиваться бледно-синим, тепловая сигнатура стен проступила сквозь тьму. Чутьё Пересмешника включилось принудительно, сканируя пространство на наличие угроз. Оно сказала ему сразу две вещи: во-первых, сверху, над люком, никого нет — студенты ушли дальше по просеке, решив, что он просто отстал. Во-вторых, в дальнем конце коридора, за той самой взломанной гермодверью, что-то крупное, многолапое и голодное только что прекратило плести кокон и повернуло голову в его сторону.

Щелкнул скрытый механизм. Вспыхнули красные лампы тревоги, работающие от резервного аккумулятора. Завыла сирена — глухо, погребально, словно предупреждая мертвый комплекс о появлении живого.

Петру было плевать на сирену. Ему было плевать на секретные архивы КГБ, на красный диплом и на пересдачу сопромата, которая теперь точно отменялась. Единственной мыслью, быющей в голове чистым животным ужасом, было: «Как подняться по лестнице на одних пальцах, если твои ладони плюются клеем?» Он бросился к стремянке. Ботинки скользили по слизи на полу. До первой перекладины было полтора метра прыжка. Петр сгруппировался, оттолкнулся от пола изо всех сил и прыгнул.

Руки сработали быстрее мозга. Как только пальцы коснулись холодного металла, из запястий вырвались десятки тончайших нитей. Они прошли воздух, вонзились в сталь лестницы и натянулись струнами. Петр не просто ухватился за ступеньку. Он прилип к ней всем телом. Адгезия включилась одновременно с паникой.

Повиснув на одной руке, как летучая мышь, он подтянул вторую. Металл жалобно скрипнул под двойной нагрузкой. Где-то внизу, в темноте сектора, раздался тяжелый, влажный щелчок — словно сломалась толстая ветка. А потом — быстрый, множественный топот хитиновых лап по кафелю.

Время замедлилось. Петр видел каждую трещинку на краске лестницы. Он слышал, как бешено стучит его собственное сердце, и как вторит ему ритмичный, нечеловеческий бег преследователя.

Выбираться нужно было вертикально. Двадцать метров гладкой трубы-шахты. Используя силу адгезии, которой в учебниках зоологии пока не существовало, он пополз вверх. Это было похоже на бег паука-сенокосца: точки опоры менялись мгновенно, ладони и стопы прилипали к металлу намертво, позволяя отталкиваться с чудовищной силой.

Он преодолел половину пути, когда снизу прилетел поток воздуха. Сквозняк. Значит, дверь внизу открыта.

Из темноты шахты метнулась тень. Что-то длинное, черное, толщиной с человеческую руку, состоящее из одних лишь зазубренных суставов, пронеслось в сантиметрах от его ботинка, пытаясь пришпилить ногу к лестнице. Петр рванулся выше, чувствуя, как рвутся волокна мышц живота.

Люк над головой казался спасительным кругом. Серебряный край старого свинца. Петр выбросил руку вверх. Паутина сработала как гарпун. Нить приклеилась к нижней кромке люка, амортизировав рывок. Он качнулся маятником, врезался бедром в бетонный выступ (синяк завтра будет размером с дыню), нашел упор и толкнул крышку головой.

Она не поддалась. Заржавевшие петли держали мертвой хваткой.

Снизу, клацая по скобам, быстро поднимался первый охотник. В свете аварийных красных ламп блеснули восемь фасеточных глаз и жвала, сочащиеся густой слюной. Экспериментальный образец номер четырнадцать. Смесь тарантула, богомола и чьих-то самых страшных кошмаров.

Петр уперся спиной в одну стенку шахты, ногами — в другую. Давление возросло. Позвонки затрещали. Он вложил всю массу своего тела, помноженную на животный страх, в толчок.

Металл взвизгнул. Люк подпрыгнул на сантиметр.

Еще один толчок. Щель стала шире.

Скрежет за спиной стал оглушительным. Насекомое-переросток почти дотянулось до его подошвы.

Петр зарычал, выдавливая из легких последний воздух, и ударил ногами.

Люк откинулся назад, обрушивая на него водопад из прошлогодних листьев, жидкой грязи и яркого, благословенного солнечного света.

Не тратя секунды на то, чтобы цепляться за края, он буквально выпрыгнул из-под земли.

Приземление вышло жестким. Он покатился кубарем по склону оврага, сбивая сухие папоротники. Остановился только у корней огромной сосны. Все тело горело. Костюм превратился в лохмотья, обнажая грудь, покрытую странной, полупрозрачной пленкой, которая затыгивала самые глубокие царапины на глазах.

Петр перевернулся на спину, жадно глотая воздух летнего леса. Пахло хвоей, горячей землей и свободой. Он выжил. Он выбрался.

Он сел, пытаясь успокоить дыхание, и посмотрел на свои руки. Запястья снова выглядели нормально, если не считать разорванных в клочья рукавов и засохших белых потеков клея. Мутация отступила, спряталась внутрь, оставив после себя лишь звенящую слабость и металлический привкус во рту.

— Практика окончена, — вслух сказал он своему отражению в дождевой луже. Голос дрожал. — Меня отчислят. Меня посадят в дурку. У меня вырастет третья нога. Где-то позади,

в лесу, со стороны провала, раздался протяжный, вибрирующий вой. Звук шел не из глотки зверя. Он распространялся по земле, резонируя с корнями деревьев. Остальные образцы вырвались на свободу.

Петр вскочил на ноги. Страх никуда не делся, но теперь он смешивался с чем-то еще. С осознанием того, что сила, разорвавшая его изнутри минуту назад, осталась при нем.

Он подобрал с земли свою мятую каску, надел ее набекрень и, припадая на ушибленную ногу, побежал прочь от просеки, туда, где слышались голоса ничего не подозревающей учебной группы. Впереди было сорок километров тайги, стаи голодного гнуса и необходимость объяснить профессору Стравинскому, почему его лучшая пробирка для сбора планктона теперь навсегда приклеена к внутренней стороне крышки рюкзака.

Глава 2. Кузьминки возвращаются домой

Казанский вокзал пах хлоркой, остывшими чебуреками и бесконечной усталостью. Петр вывалился из плацкартного вагона вместе с толпой дачников и студентов, сгибаясь под тяжестью станкового рюкзака. После сорока километров пешком по бурелому — последние десять он преодолел на попутном лесовозе, сидя в кузове рядом с хрюкающим поросенком — ноги гудели так, словно пытались отделиться от тела и уйти в самостоятельную жизнь.

Москва встретила его липкой июльской жарой и запахом плавящегося битума. Для человека, который неделю спал в палатке, отбиваясь от слепней размером с воробья, рев автомобильных клапанов на Садовом кольце звучал как сирена апокалипсиса. До Кузьминок он добился на метро. Спускаясь по эскалатору станции

«Комсомольская», Петр впервые за три дня почувствовал себя в безопасности. Под землей было прохладно, гулко и многолюдно. Толпа скрывала его лучше любого камуфляжа. Он прислонился лбом к холодному стеклу вагона, чувствуя, как адреналиновый откат накрывает его тяжелой ватной волной.

Мутация пугала до чертиков. Всю дорогу в поезде он просидел в туалете, изучая свои запястья в крошечное треснувшее зеркало над раковиной. Кожа выглядела абсолютно нормальной. Ни хитина, ни черных волосков. Только глубокие красные борозды там, где железы прорвались сквозь плоть, да странная пульсация под кожей при резких движениях. Организм сделал экстренный выброс кортизола и теперь прятал изменения глубоко внутри, консервируя их до следующего стресса. Петр надеялся, что этого «следующего раза» не будет никогда.

Пятиэтажка в Кузьминках стояла нетронутой со времен Хрущева. Облупившаяся желтая краска, заросли старой сирени у подъезда, которые помнили еще запуск первого спутника, и вечный запах жареной картошки с луком в лестничных пролетах. Квартира номер сорок два находилась на втором этаже. Петр достал из кармана джинсов ключи, но понял, что руки предательски дрожат. Замок щелкнул слишком громко. Он вошел внутрь, стараясь ступать мягко, чтобы старые паркетные доски не скрипнули.

— Петенька! — голос Аграфены Матвеевны раздался из кухни раньше, чем дверь успела закрыться. — Явился, пропажа! А я уж думала, тебя медведь в тайге задрал.

Хотя какой медведь, ты ж у нас городской, хилый...

Бабушка выплыла в коридор, вытирая руки о передник в мелкий цветочек. В свои семьдесят пять Аграфена Матвеевна Вязова сохранила осанку балерины (в молодости она действительно танцевала в кордебалете Горьковского театра) и взгляд прокурора. Ее седые волосы были уложены в идеальный, тугой пучок, заколотый шпильками так, что ими можно было вскрыть банку тушенки.

— Ба, привет, — выдохнул Петр, скидывая с плеч лямки рюкзака. Тот упал на линолеум с тяжелым стуком, отозвавшимся болью в пояснице. — Я тоже очень скучал. Извини, телефон там не ловил совсем, вышек нет...

Он шагнул вперед, чтобы обнять ее, но замер. Рюкзак. Внутри лежали банки с формалином, пробирки, тяжелый геологический молоток для дробления камней и сменная одежда,

которая после падения в бункер годилась только для мытья полов. Если бабушка начнет разбирать вещи прямо сейчас, она найдет разбитую колбу с серебристым субстратом, которую он прихватил как единственное доказательство того, что ему все это не приснилось.

— Не топчись в прихожей, ботинки снимай! — скомандовала Аграфена Матвеевна, уперев руки в боки. — Весь грязный, худющий. На кого похож? Скелет ходячий. Иди мой руки, мигом. И носкиними, они же стоять могут сами по себе.

Петр послушно поплелся в ванную. Холодная вода немного привела его в чувство. Он смотрел на свое лицо в зеркале: загорелый дочерна нос, царапина через всю щеку, глаза воспаленные, красные. Выглядел он именно так, как должен выглядеть студент, которого чуть не сожрала инопланетная химера. Вполне убедительное прикрытие для студента-практиканта.

Когда он вернулся на кухню, стол уже был накрыт. В центре возвышалась гора пирожков. Золотистые, глянцевые от масла, они источали такой густой дух капустной начинки вперемишку с вареным яйцом, что у Петра свело желудок. Он не ел ничего горячего почти двое суток.

— Садись, ешь, — бабушка подвинула к нему тарелку и чайник. — Сначала суп куриный, пока горячий. Потом пирожки. У меня тесто сегодня правильное вышло, пышное.

Она села напротив, подперев подбородок ладонью, и принялась внимательно разглядывать внука. От этого взгляда у Петра начали зудеть ладони. Чутьё Пересмешника подавало первые сигналы тревоги: бабушку обмануть сложнее, чем хищника в лесу. Она видела каждое микровыражение лица.

— Ну, рассказывай, биолог, — начала она, когда первая тарелка супа исчезла в Петре бесследно. — Видела я твоего профессора по телевизору месяц назад. Передача была про экологию. Умный мужик, солидный. Только смотрит так, будто всех насквозь видит. Ты ему чего-нибудь недосказал?

Петр едва не подавился куском хлеба.

— Ба, ну какая экология... Мы клещей считали. Это дико скучно. Берешь белую тряпку, волочешь по кустам, а потом считаешь паразитов линейкой. Романтика высшего порядка.

— Клещи, значит, — протянула Аграфена Матвеевна, прищурившись. — Поэтому у тебя куртка прожжена кислотой? И почему от тебя пахнет больницей? Формалином несет за версту. Трупы, что ли, в тайге нашли?

Петр похолодел. Он думал, что перебил запах лабораторией мятным «Орбитом». Но чутьё бабушки работало точнее любого ПНВ.

— Да какой труп, ба! Банка лопнула. Случайно разбили контейнер с фиксатором.

Пришлось нести в руках, вот и провонял весь. А куртка... костер неудачный развели.

Искра упала.

Аграфена Матвеевна тяжело вздохнула, встала и подошла к плите, чтобы перевернуть новую партию пирожков на сковороде.

— Эх, Петя-Петя. Вечно у тебя всё «случайно». Помнишь, как ты в пятом классе случайно скрестил мою редкую орхидею с обычным репейником? Росло потом такое чудо-юдо, соседи экскурсии водили смотреть. Весь в отца пошел. Тот тоже вечно то молнию в бутылку поймает, то радиоприемник в утюг встроит.

Упоминание отца ударило под дых. Петр опустил ложку. Родители погибли в автокатастрофе, когда ему было восемь. Бабушка подняла его одна. Именно поэтому скрыть от нее правду было физически больно, но альтернативы не было. Если она узнает, что внук мутирует в гигантского паука, ее сердце просто не выдержит такого позора перед соседями.

— Ладно, конспиратор, — смягчился голос бабушки. Она поставила перед ним блюдо с новой горой дымящихся пирожков. — Ешь давай. Пока ты там своих клещей пугал, я тебе тут обновку справила.

Она кивнула на старый диван в гостиной. На спинке висел нечто темно-зеленое.

— Форма твоя студенческая совсем износилась, стыдно людям показать. Сосед наш, Михалыч с третьего этажа, с ЗИЛа списанный материал принес. Говорит, арамид какой-то. Бронежилет из него шьют. Теплый, прочный, воду не пропускает. Я покрой простой сделала, чтоб двигаться не мешало. Примерь-ка.

Сердце Петра пропустило удар. Арамид. Та самая основа для костюма супергероя, о которой они договаривались с Глебом. Но видеть его здесь, висящим на старом диване, сшитым заботливыми руками бабушки поверх советской выкройки «для дачи», было сюрреалистично.

— Спасибо, ба, — прохрипел он. — Позже примерю. Я пока... душ приму. Дорога пыльная.

— Душ — дело хорошее, — согласилась она. — Только мыло возьми детское, земляничное. От твоих городских гелей у меня экзема начинается. И рюкзак свой свинцовый сюда тащи, нечего ему в коридоре стоять, соседей смущать.

Это был критический момент. Оставить рюкзак в ванной — вызвать подозрения тем, что он моется с вещами. Занести в комнату — рисковать тем, что банка разобьется окончательно.

— Давай я его на балкон вынесу, — предложил Петр. — Там проветривается. Пахнет сильно.

— Неси, — кивнула бабушка, вооружаясь скалкой. — Только осторожно, стекло оно и есть стекло.

Петр взвалил рюкзак на плечо. Металл лязгнул о косяк двери. Каждый шаг отдавался хрустом битого стекла внутри. Он вышел на узкий открытый балкон. Летний вечер опускался на Москву, во дворе кто-то выбивал ковер, пахло пылью и нагретым асфальтом.

Он поставил рюкзак на пол балкона и начал судорожно расстегивать боковые ремни. Нужно достать проклятую колбу, завернуть ее в сто слоев старых газет и спрятать в коробке из-под зимних сапог на антресолях. Главное, чтобы бабушка не зашла проверить, хорошо ли он устроил «вонючую сумку».

Ремень заело. Петр дергал пряжку, матерясь одними губами. Наконец замок щелкнул.

Он потянул клапан вверх.

Внутри царил хаос. Осколки пластика перемешались с мокрым спальником. Петр запустил руку внутрь, пытаясь нащупать гладкое стекло. Его пальцы задели край пробки. Он потянул колбу на себя.

И в этот момент сработал закон подлости, усиленный законами генетики. От резкого рывка старая мышца предплечья сократилась рефлекторно. Стресс последних дней, напряжение от разговора с бабушкой и близость опасного артефакта заставили организм выдать микродозу защитной реакции. Железы в запястьях не выстрелили паутиной — спасибо успокоительному действию куриного бульона — но поры раскрылись. Из них выделилось несколько капель прозрачного секрета. Липкого, тягучего, моментально полимеризующегося на воздухе.

Капли упали внутрь рюкзака. Прямо на осколки. И склеили их намертво. Но хуже было другое. Правая рука Петра, сжимавшая горлышко колбы, дрогнула. Капля клея попала на большой палец.

А левый указательный палец в этот же момент инстинктивно оперся о внутреннюю стенку рюкзака для равновесия.

Спустя долю секунды большой палец правой руки и указательный левой оказались намертво припаяны друг к другу толстым слоем биоразлагаемой органической смолы. Через рюкзак.

— Так, спокойно, — прошептал Петр, глядя на свою импровизированную перекладину из пальцев. — Без паники. Это просто клей. Очень крепкий, экологически чистый, производства собственного организма клей.

Он попытался развести руки. Натяжение было чудовищным. Сухожилия заныли от напряжения. Смола растягивалась, как американский тянущийся сыр, но рваться отказывалась. Она звенела от натяжения.

Если он дернет сильнее, он либо вывихнет себе суставы, либо вырвет кусок кожи. Либо — что самое страшное — колба выскользнет, упадет на кафельный пол балкона и разобьется окончательно. Запах привлечет внимание Аграфены Матвеевны быстрее, чем вой пожарной сирены.

— Петя! — донеслось из кухни. — Ты уснул там? Пирожки перестают таять! И захвати оттуда веник, мне паутину в углу снять надо, опять эти ваши городские пауки-летуны налетели!

Слово «паутина» прозвучало как приговор. Петр зажмурился. Ему казалось, что уши сейчас начнут слышать ультразвук. — Иду! — крикнул он, стараясь придать голосу бодрость. — Сейчас, веник найду!

Он стоял на балконе пятиэтажки, приклеенный пальцами к собственному вонючему рюкзаку, посреди Москвы, будучи наполовину насекомым-мутантом, и пытался решить уравнение с тремя неизвестными: как освободить руки, не разбив улику и не объясняя бабушке, почему он больше не может самостоятельно завязывать шнурки. Петр сделал глубокий вдох. Затем аккуратно, миллиметр за миллиметром, он начал вращать кистями, ослабляя натяжение нити. Смола протестующе заскрипела. Он сменил угол давления, используя адгезию стопы к бетонному полу балкона, чтобы перенести вес.

Через минуту мучений, сопровождавшихся тихим треском разрываемых молекулярных связей, правая рука освободилась. Большой палец горел огнем, содранный почти до мяса. Левая рука осталась пришитой к рюкзаку.

Держась одной рукой за перила, Петр кое-как подтянул рюкзак к себе, перехватил его за дно и поволок в комнату. Колба внутри глухо булькала.

— Нашел веник! — пропыхтел он, появляясь в дверях кухни зеленее весенней травы. — Ба, слушай... я тут подумал. Практика такая тяжелая была. Может, я денечек отдохну? Полежу. Почитаю учебник.

Аграфена Матвеевна окинула его подозрительным взглядом, задержавшись на его бледности.

— Какой учебник, горе луковое. У тебя сессия через полгода. Ешь давай. Она взяла со стола последний, самый маленький кривоватый пирожок, который обычно доставался ей самой, и сунула его в карман штанов внука.

— Проголодаешься ночью, пока будешь свои кости анатомировать. Знаю я тебя.

Будешь сидеть до утра голодный.

Петр замер. Карман брюк оттягивала приятная теплая тяжесть теста. Обычный жест абсолютной, безусловной любви.

Уголки его губ дрогнули. Страх никуда не делся. Завтра нужно звонить Глебу, искать профессора Стравинского и выяснять, как обратить мутацию вспять или хотя бы научиться ею управлять. Впереди маячила сессия, долги по химии и перспектива однажды навсегда остаться жить на потолке.

Но прямо сейчас, стоя на кухне в Кузьминках, пахнувший формалином, дымом и отчаянием, с капустой в кармане и инопланетным геномом в крови, он чувствовал себя дома.

— Спасибо, ба, — тихо сказал он. — Я твой сын. Биологически.

— Еще слово про биологию за столом — получишь полотенцем, — строго ответила Аграфена Матвеевна, но глаза ее улыбались. — Жуй давай. Остынет.

Глава 3. Кафедра аномалий

Главное здание МГУ на Воробьевых горах всегда давило Петра своей имперской монументальностью. Это был не просто университет, а храм советской науки, высеченный из плотного красного камня и амбициозных идей. Внутри пахло мастикой для паркета, старой бумагой

и озоном — вечным спутником работающих рентгеновских аппаратов в подвальных лабораториях.

Петр поднимался по широкой мраморной лестнице биологического факультета, стараясь держаться поближе к стене. Утренняя лекция по высшей нервной деятельности закончилась десять минут назад, и коридоры гудели от сотен голосов. Для обычного студента это был фоновый шум. Для Петра, чья нервная система теперь работала как сверхчувствительный сонар, это была акустическая пытка. Он слышал скрип каждой подошвы по линолеуму, шепот влюбленной пары у окна на третьем этаже и даже шелест страниц конспекта где-то за поворотом.

«Чутьё Пересмешника» сходило с ума. Оно считывало угрозу везде: в слишком резком движении первокурсника, поскользнувшегося на ступеньке, в вибрации старого лифта, в запахе перегретого тостера из буфета. Петр стиснул зубы, втянул голову в плечи и нырнул в прохладную тишину западного крыла, где располагались кафедры старших курсов.

Дверь кабинета профессора Стравинского выглядела так же, как и три года назад, когда Петр впервые переступил порог этого здания: тяжелая, дубовая, обитая снизу потертой жестью. Медная табличка гласила: «Заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных, д.б.н., проф. И. К. Стравинский».

Петр постучал костяшками пальцев. Дважды. Коротко. Это был их условный сигнал еще со времен подготовки к олимпиадам.

— Входите, юноша, если вы не принесли мне личинку жука-олени в спичечном коробке, — раздался из-за двери сухой, надтреснутый голос.

Кабинет встретил его полумраком и запахом сушеной полыни. Игорь Константинович Стравинский сидел за массивным столом эпохи сталинского ампира. Седые волосы декана стояли дыбом, словно он только что испытал удар статическим электричеством, очки в роговой оправе съехали на самый кончик носа, а взгляд был устремлен в окуляр старого бинокля. Перед ним на черном бархате лежало крыло бабочки-махаона.

Стравинский не поднял головы.

— Закрой дверь плотнее. Сквозит. И вытри ноги, Вязов, от вас с Аграфеной

Матвеевной пахнет печкой, я чувствую этот дух через две закрытые створки. Капустой, кажется?

Петр сглотнул. Профессор отложил инструмент, снял очки и потер переносицу. Его глаза — бледно-голубые, почти прозрачные, лишены всякого намека на старческую усталость. Они смотрели прямо сквозь черепную коробку Петра, препарируя его мысли быстрее, чем скальпель вскрывает брюшную полость лягушки.

— Садись, — кивнул профессор на стул для посетителей. Самодельный, сваренный из водопроводных труб каким-то энтузиастом-механиком лет сорок назад. Сиденье было холодным. — Докладывай. Только кратко. У меня через пятнадцать минут совет факультета, и если доцент Задунайский начнет рассказывать о филогении инфузорий, я буду вынужден совершить самоубийство канцелярским дыроколом. Что случилось в тайге? Кроме того, что ты провалился в канализационный люк исторического значения. Петр достал из внутреннего кармана куртки ту самую колбу. Темное стекло, алюминиевая закручивающаяся крышка. На дне лежал крошечный комочек серебристо-черной субстанции, похожий на свалившуюся кошачью шерсть. В жидкости он казался мертвым, но Петр знал: стоит изменить температуру или добавить каплю глюкозы, и эта «шерсть» начнет плести саму себя.

— Я нашел это там, ба... в бункере, — голос Петра дрогнул. — Под просекой. Там все разбито. Пробирки, клетки, журналы... Но это осталось. Оно живое, Игорь Константинович. Оно реагирует на тепло.

Стравинский мгновенно преобразился. Сонливая академичность слетела с него, как сухие листья. Он подался вперед, упершись локтями в стол. Его пальцы, длинные и узловатые, забарабанили по дереву нервную дробь.

— Реагирует на тепло... Термогенез. Метаболическая активность без видимого потребления кислорода. Занятно. Дай сюда.

Он протянул руку, затянутую в нитриловую перчатку. Петр осторожно передал ему колбу. Профессор поднес ее к свету настольной лампы, затем понюхал горлышко, не касаясь губами.

— Формалин слабый, двадцатипроцентный, — констатировал он, прищурившись. — Раствор испортился. Запах фенола перебивает феромональный след. Ты вез образец в рюкзаке? Среди грязных носков?

— Ба собирала вещи, — виновато буркнул Петр.

Стравинский издал звук, средний между вздохом и смешком.

— Господи, дай мне сил. Дарвин бы плакал. Хорошо хоть не постирал вместе с бельем.

Он встал, подошел к старинному металлическому шкафу в углу кабинета и открыл его ключом, который носил на цепочке часов. Внутри вместо книг рядами стояли банки с реактивами, коробки с предметными стеклами и несколько странных приборов, напоминающих гибрид самогонного аппарата и счетчика Гейгера.

— Сессия у тебя когда начинается? — спросил профессор, не оборачиваясь, копаясь в банках.

— Через месяц. Сопромат висит...

— Забудь про сопромат. Твой сопромат сейчас плавает в этой банке. Так, хлорид кальция осушенный есть... Гидроксид лития... Где-то тут была перекись высокой концентрации.

Петр смотрел на широкую спину профессора. На ней, под белым халатом, проступали очертания чего-то тяжелого. Стравинский никогда не занимался спортом, но двигался с пугающей экономичностью хищника.

Внезапно профессор замер. Он медленно повернул голову через плечо, глядя на Петра поверх очков.

— А ну-ка, дыхни.

— Чего? — опешил Петр.

— Воздух из легких. Сюда. Быстро.

Петр послушно выдохнул облачко пара в сторону профессора. Стравинский сделал шаг вперед, нависая над столом. Его ноздри затрепетали, как у гончей. Он обошел Петра кругом, бесцеремонно наклонившись к его шее.

— Пот, — прошептал профессор. — Выделение апокриновых желез. Измененная химия. Высокая концентрация серосодержащих аминокислот. И температура тела...

тридцать четыре и восемь. Ты остываешь, Петя. Или нагреваешься изнутри неравномерно. Эндотермическая реакция пошла гулять по периферии.

Холодные пальцы профессора коснулись внутренней стороны запястья Петра, чуть сдвинув манжету. Там, где кожа должна была быть гладкой, прощупывались едва заметные уплотнения. Нити будущих желез, которые пока спали.

— Игорь Константинович, я схожу с ума? — тихо спросил Петр. — Мне вчера приснилось, что я могу слышать, как паук плетет сеть в вентиляции общажной кухни. Я проснулся, пошел туда, и он действительно плел. Я слышал вибрацию лапок по бетону.

Стравинский выпрямился. Лицо его стало жестким, собранным. Таким он бывал только тогда, когда кто-то покушался на бюджет факультета.

— Ты не сходишь с ума, — отрезал он. — Ты эволюционируешь в реальном времени.

Причем варварски, кустарно, методом проб и ошибок эволюции кембрийского периода. То, что ты притащил — это вектор. Матрица. Она переписывает твой геном, используя твои собственные белки как строительный материал. Если процесс пойдет бесконтрольно, к концу месяца твоя центральная нервная система будет состоять из хитина. Мы получим великолепный экземпляр для музея, но очень плохого студента. Он вернулся к шкафу, захлопнул дверцу

и положил на стол перед Петром толстый полиэтиленовый пакет с застежкой Zip-lock. Внутри лежали стерильные шприцы, ампулы с прозрачной жидкостью и рулон чего-то похожего на фольгу. — Держи, — сказал профессор будничным тоном, будто выдавал ведомость на стипендию. — Это гидрокортизон модифицированный. Будет сбивать лихорадку и тормозить митоз в новых тканях. По два кубика внутримышечно, если почувствуешь пульсацию в зубах. Вот это, — он указал на ампулы, — ингибитор протеаз. Если начнешь переваривать собственную футболку, выпей одну. Разведи в воде, вкус отвратительный, напоминает мокрый картон.

Петр смотрел на лекарства расширенными глазами.

— Откуда у вас это? Это же спецхран Минобороны какой-то...

Стравинский тяжело опустился в свое кресло. Он выглядел старым и бесконечно уставшим.

— Не задавай вопросов, ответы на которые тебе не понравятся, Вязов. Скажем так: проект «Тунгаса-Корень» закрыли официально. Но архивы никуда не делись. Часть сывороток осталась здесь, в институте. Холодовая цепь хранения нарушалась трижды, эффективность упала до сорока процентов, но лучше, чем ничего.

Он выдвинул верхний ящик стола и достал оттуда бланк заявки на грант. — Теперь слушай меня внимательно. Официально — слышишь? — официально ты пишешь курсовую работу. Тема: «Адаптация эпифитных мхов рода Дикранум к антропогенному загрязнению Замоскворечья». Мхи любят влагу, грязь и тяжелые металлы. Идеальная ширма. Тебе нужны деньги на оборудование? Взрывобезопасный контейнер для образца? Спецпитание?

Профессор щелкнул кнопкой автоматической ручки.

— Говори сумму. Только быстро, у меня Задунайский уже наверняка дышит на мой фикус в приемной.

— Сто тысяч, — выпалил Петр, вспомнив цены на промышленные фильтры очистки воздуха и портативный микроскоп с подогревом предметного столика. Сумма была космической для студента.

Стравинский молча вписал цифру в графу «Запрашиваемое финансирование», расписался размашистым почерком и поставил печать «Для служебного пользования».

— Получишь завтра в бухгалтерии. Оформишь как закупку лабораторной посуды.

Соседа своего инженера предупреди, пусть чеки нарисует убедительные.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на Петра долгим, изучающим взглядом. — Почему я это делаю, знаешь? Потому что если ты взорвешься облаком спор посреди лекции, мне придется писать объяснительную ректору. Шучу.

Профессор встал, подошел к зарешеченному окну, выходящему во внутренний двор университета.

— Я курировал четвертый сектор проекта. Тот самый, откуда ты вынес эту дрянь. Я лично подписывал бумаги на утилизацию первых десяти добровольцев. Их кости до сих пор лежат в цинковых гробах в свинцовом хранилище под этим зданием. Проект хотели использовать как оружие. Я закрыл его, сославшись на биологическую нестабильность носителя. Оказывается, один стабильный носитель все-таки выжил. Случайно упал в шахту спустя пятьдесят лет. Судьба любит черный юмор, Петя. Он обернулся. В его глазах не было страха. Была только бесконечная, глухая тоска человека, похоронившего свои ошибки и внезапно увидевшего их воскресшими.

— У тебя нет способностей супергероя, мальчик. У тебя хроническое инфекционное заболевание с уникальной симптоматикой. Твоя задача — выжить. Окончить университет. И ни в коем случае не привлекать внимания людей в погонах. Если Комитет узнает, что геном ожил, они придут не задавать вопросы. Они придут сжигать улики. Начиная с твоей бабушки. Понял меня?

У Петра пересохло во рту. Вес пакета с лекарствами в кармане вдруг стал невыносимым.

— Да, — прохрипел он.

— Свободен, — кивнул Стравинский. — Иди на следующую пару. Делай вид, что тебя тошнит от ботаники. Кстати, возьми.

Он бросил Петру небольшую стеклянную банку с притертой крышкой. Внутри сидела здоровенная, идеально сохранившаяся тропическая многоножка.

— Домашнее задание. Препарировать к семинару. Инструкции те же: кровь смыть хлорамином, руки держать подальше от лица. И Вязов... смени носки. От них фонит альфа-частицами отчаяния.

Петр вышел из кабинета на ватных ногах. В коридоре по-прежнему шумели студенты.

Жизнь шла своим чередом. Кто-то списывал физику, кто-то ел булочку. А Петр Вязов спускался по парадной лестнице главного вуза страны, сжимая в кармане шприц с блокираторами мутаций, держа в руках банку с многоножкой и зная, что декан его факультета — бывший куратор секретной лаборатории, который только что купил его молчание грантом на изучение обыкновенного болотного мха.

Глава 4. Гаражные технологии

Глеб Волков жил не в квартире, а внутри сервера. Его «однушка» на первом этаже панельного дома в Текстильщиках давно утратила функции жилого помещения. Кухня была переоборудована под паяльную станцию и склад списанных литий-ионных батарей, спальню заменял ортопедический матрас, брошенный прямо на гору коробок из-под серверов, а единственная комната напоминала гнездо цифрового маньяка. Петр толкнул дверь плечом — звонок не работал уже полгода, превратившись в причудливый арт-объект из микросхем. В лицо ударил густой запах канифоли, перегретого пластика и озона.

— Тесла, ты живой? — крикнул Петр, перешагивая через клубки проводов, которые извивались по полу, как стальные змеи. — Я тебе биоматериал принес. И деньги от Стравинского.

Из-за горы разобранных дронов-доставщиков, сложенных штабелем до самого потолка, показалась всклокоченная голова. Глеб шурился, как крот, вышедший на поверхность. На лбу у него красовались массивные защитные очки с диоптриями, сдвинутые почти на макушку.

— Если это снова маринованные лягушки, я солью их раствор в твой чай, — сирым голосом пообещал он. — У меня фильтры вентиляции едва справляются с формальдегидом после твоего прошлого визита. Проходи, только смотри под ноги. Если наступишь на четвертый прототип манипулятора, мы потеряем связь со спутником над Тихим океаном.

Петр аккуратно, балетным шагом пересек комнату и приземлился на единственный свободный табурет. Он поставил на стол тяжелый рюкзак. Звякнуло стекло.

— Это лучше, чем лягушки, — сказал Петр, доставая колбу с серебристым субстратом.

— Это то, что делает меня липким. А это, — он выложил пухлый конверт, перехваченный резинкой, — то, что делает нас богатыми. По студенческим меркам. Сто тысяч на «изучение мхов».

Глеб мгновенно оживился. Очки съехали на нос. Его глаза, обычно тусклые от недосыпа, загорелись лихорадочным блеском. Он схватил конверт, взвесил его на ладони и хищно улыбнулся, обнажив прокуренные зубы.

— Мхи Замоскворечья нынче дороги. Что ж, Паяк-Пересмешник, поздравляю с официальным грантом на безумие. Теперь рассказывай. Как именно протекает неконтролируемый эксцитоз?

Пока Петр сбивчиво описывал инцидент на балконе (склеенные пальцы, гнев Аграфены Матвеевны, который чудом не привел к демонтажу серванта), Глеб действовал. Он натянул нитриловые перчатки, достал из ящика портативный микроскоп и подключил его к старому монитору «Электроника».

Колба заняла место под линзой. На экране изображение увеличилось в сорок раз.

Серебристая масса зашевелилась.

— Невероятно, — прошептал Глеб, подкручивая резкость. — Смотри на кончики волокон. Видишь эти микроворсинки? Они меняют угол наклона в зависимости от температуры пробы. Это не просто паутина, Петя. Это активная органическая матрица. Она сканирует поверхность перед контактом. Самокалибрующийся адгезив. Природа изобрела суперклеи еще до того, как первый австралопитек взял в руки палку.

Он переключил режим микроскопа на инфракрасный фильтр.

— А температура выделения... сто двадцать градусов Цельсия. Ты должен был прожечь себе вены насквозь. Почему рука еще на месте?

— Понятия не имею, — честно ответил Петр. — Больно было так, будто рожал ежа. Но кожа цела. Только потом чешется зверски.

Глеб выпрямился, снял очки и начал методично протирать их краем засаленной футболки. Лицо его стало серьезным, инженерным.

— Ладно. Биология оставим тебе. Моя задача — физика и эргономика. Ходить голышом по карнизам сталинок — плохая аэродинамика и гарантированный привод в полицию за нарушение общественного порядка. Тебе нужен костюм. Не тот латексный кошмар, в котором американцы ломают шеи при резком движении головы. Нам нужна броня. Рабочая, советская, злая.

Следующие два часа они провели в гараже соседа-инженера Михалыча. Старый работник ЗИЛа относился к молодежи покровительственно и считал, что если человек умеет держать паяльник и не пьет тормозную жидкость, то он — надежда отечественного машиностроения.

Михалыч вынес им рулоны ткани, замотанные в промасленную бумагу.

— Вот, племяш просил передать, — буркнул он, почесывая седой затылок. — Спецзаказ. Обрезки с пятого цеха. Арамид композитный. Мы из такого подборы для спецназа шьем, когда импортное кончается. Легкий, собака, но нож держит. Только строчить его тяжело, иглы вязнут. Бабке своей скажи, пусть берет титановую иглу номер сто двадцать, иначе машинку заклинит.

Ткань оказалась матово-зеленой, шершавой на ощупь, но удивительно мягкой. Когда Петр сжал ее в кулаке, она лишь слегка спружинила, принимая форму, но сопротивляясь разрыву.

— Чистый «Кевлар-М», — благоговейно выдохнул Глеб, поглаживая рулон. — Дороже твоей почки на черном рынке. Из этого можно собрать скафандр.

Проблема возникла с внешней оболочкой.

— Арамид пористый, — объяснял Глеб, раскладывая выкройки на капоте старой «Волги» Михалыча. — Твоя паутина или городская грязь забьют его волокна за один выход. Движения скованы будут. Нужен тефлоновый слой. Антиадгезивное покрытие. — Где мы возьмем тефлон? — спросил Петр, примеряя кусок арамида к своему плечу.

— Заказывать листовой? Нас Стравинский по чекам вычислит.

Глеб загадочно ухмыльнулся и полез в багажник своего ржавого «Жигуля». Оттуда появился промышленный распылитель и несколько баллонов с надписью «Антидождь.

Для лобовых стекол».

— Московский тополиный пух, братан, — сказал хакер, встряхивая баллон. — Лучшая транспортная система для полимеров. Берем гидрофобное покрытие для автостекол.

Там перфторированные соединения. Распыляем поверх арамида, сушим феном.

Получаем скользкую, грязеотталкивающую броню. Любой клей будет соскальзывать.

Даже твой собственный.

Работа закипела. Петр, чьи навыки кройки ограничивались пришиванием пуговиц кривыми стежками, выступал в роли манекена. Глеб кроил ткань лазерным резакom, периодически ругаясь на плотность плетения нити.

— Рукава делай шире, — командовал Петр, пока Глеб сострачивал швы на промышленной машине бабушки, которая гудела, как взлетающий Ил-76. — Мне нужно делать захват пальцами. И спину укрепляй двойным слоем. Знаешь, какая самая частая травма у супергероев? Межпозвоночная грыжа от переноски гражданских лиц. Через пять часов гараж превратился в мастерскую Франкенштейна. На вешалке висело нечто среднее между формой химзащиты водоканала и экипировкой промышленного альпиниста. Костюм состоял из трех слоев: мягкий хлопковый чулок снизу (чтобы арамид не натирал кожу во время трансформации мышц), плотный композитный арамид посередине и наружный слой, покрытый белесым налетом высохшего тефлона.

Символ решили не рисовать краской — это непрактично. Глеб вытравил концентрированной кислотой на нагрудной пластине силуэт восьмилатного кузнечика. Линии получились острыми, геометрическими, похожими одновременно на схему печатной платы и скифские узоры.

Наступил момент истины. Прототип лежал на столе. Выглядел он угрожающе и функционально. Никакого пафоса, никаких плащей. Только суровая защита биологических активов.

— Надевай, — скомандовал Глеб.

В тесном гараже переодеваться было пыткой. Застежки-липучки цеплялись за волосы, воротник давил на кадык. Но когда Петр полностью облачился, ощущения изменились. Ткань облегала тело как вторая кожа. Она не стесняла движений, дышала, и сквозь нее совершенно не чувствовался сквозняк от открытых ворот гаража. — Ну как? — спросил Глеб, обходя его кругом с планшетом в руках. — Датчики движения я встроить не успел, обойдешься проприоцепцией. Центровка массы нормальная?

— Тяжеловато в паху, — признался Петр, приседая. — Швы тянут. Но плечи свободны. — Терпи. Ради науки. Теперь главное. — Глеб выключил свет в гараже. Единственным источником освещения стала открытая створка ворот, через которую бил слепящий дневной свет. — Адгезия.

Петр подошел к бетонной стене гаража. Глубоко вдохнул. Попытался вспомнить ощущение той паники в бункере, ту боль разрыва тканей, которая запускала железы.

Ничего не произошло.

Пальцы уперлись в серый бетон. Обычный сухой контакт.

— Давай же, — шипел сзади Глеб, снимая процесс на телефон. — Напряги предплечья. Представь, что ты слизень. Или очень влюбленный человек. Присосись к ней!

Петр скрипнул зубами. Пот заливал глаза под тактическим подшлемником. Он представил, как миллионы микроскопических ворсинок выходят из его пор, ища зацепку на молекулярном уровне.

Раздался тихий, влажный звук — *чвак*.

Левая ладонь Петра намертво прилипла к бетону. Он дернул руку — плечо прострелила боль, но кисть осталась на стене. Тефлон снаружи костюма никак не мешал процессу: поры арамида пропускали био-адгезив внутрь структуры ткани, приклеивая рукав к телу, а саму конечность — к поверхности.

— Есть! — заорал Глеб. — Физика торжествует! Подъемная сила одной руки?

— Килограммов сорок тяну, прежде чем начинает выворачивать сустав, — прохрипел Петр, пытаясь отлепиться. Пришлось помогать второй рукой, отрывая кожу от бетона буквально по миллиметру. — Но есть проблема, Тесла.

— Какая? Вес выдержан. Матрица стабильна.

— Паутина, — мрачно сказал Петр, указывая на потолок. — Чтобы выстрелить нить, мне нужно обнажить запястье. Снаружи тефлон. Если паутина коснется собственного костюма, я приклеюсь к нему сам себя. Буду ходить как муха в смоле. Нужно вырезать каналы выброса. Манжеты должны открываться без ткани.

— Сделаем клапан-гармошку, — кивнул Глеб, делая пометки в планшете. — Эластичный стык. Но остается главный вопрос.

Хакер подошел к приставленной к стене лестнице-стремянке. Старая алюминиевая конструкция опасно затрещала под его весом.

— Советская пайка, Петр. Михалыч дал нам прутки припоя ПОС-61. Отличная вещь для радиоплат. Но мы собираемся крепить твои страховочные карабины к поясу этим гов... этим материалом. Ты планируешь ползти по лепнине высоты на Котельнической набережной. Высота — пятнадцать этажей. Ветер. Вибрация фасада. Температура минус десять зимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.